зании» соответствует более XV в., чем XVI или XVII в.[14] Прежде всего бросается в глаза несоответствие между огромным пространством, огороженным стенами (3000 × 300 м), и малым числом жителей (3000 человек, т. е. в 2 раза меньше, чем население г. Кафы в XV в., занимавшей гораздо меньшую площадь). Уменьшение числа жителей в Дербенте автор «Сказания» ставит в связь с «моровым поветрием»: эпидемии чумы и холеры не были редкостью в XIV—XV вв.

Описание протяженности и величины стен в «Сказании» находится в соответствии с аналогичными описаниями арабских и европейских путешественников.

Указание расстояний от Дербента до Шемахи, от Шемахи до Тебриза, от Дербента до «Кафимъскаго острова» (т. е. до Крыма) соответствует действительным торговым связям Дербента и может служить одним из доказательств раннего, до конца XV в., происхождения памятника (торговля Дербента с Кафою была сведена на нет после завоевания Кафы турками в 1475 г.).[15]

Казалось бы, нашей датировке «Сказания» противоречит название Каспийского моря «синим морем Астраханъским». Каспийское море в древнерусской письменности имело много названий, но самое распространенное из них — «море Хвалынское». Именно так — «синее море Хвалынъское» — оно названо в конце «Сказания о Железных вратех». Название «Derrieh Hushtakhan», т. е. «море Хаштакхан», было употреблено на карте географа Абдул Хакима Абдуррашид-Оглы для обозначения северной части Каспийского моря, прилегающего к Астрахани.[16] В конце XVI—XVII в. старые формы «Хазъторокань» и «Азтарханъ» исчезают и вместо них появляется новая форма «Астрохань», или «Астрахань», в статейных списках русских послов, в русских летописях, в «Хожении» Ф. Котова 1623—1624 гг., в списках XVII в. «Сказания о взятии Астрахани», в «Житии Улиянии Осорьиной» середины XVII в., в «Гистории Астраханской» 70-х годов XVII в. Возможно, что в списках Т и К произошла замена непонятного для читателей XVII в. первоначального «море Хазътороканьское» словосочетанием «море Астраханъское».

В списке Т при описании ширины дербентских стен говорится: «из лука турецкова три перестрела». В списке К название лука «турецким» отсутствует; вероятно, в первоначальном тексте его не было и оно было добавлено одним из переписчиков «Сказания» в XVI или XVII в., когда название сложного лука «турецким» уже прочно вошло в обиход.[17]

Было ли «Сказание о Железных вратех» записью со слов русского путешественника, побывавшего в Дербенте и Ширване? Или оно было записано со слов одного из жителей Востока, хорошо знавшего Дербент и прибывшего на Русь в составе одного из восточных посольств? В этой связи любопытно известие о посольстве правителя Хорасана Шахрука (до 1445 г.) к великому князю тверскому Борису Александровичу с «камъкы драгия и отласы чюдныя», затратившего на путь от Герата

---

[14] Ср.: Travels to Tana and Persia by J. Barbaro and A. Contarini. — In.: A narrative of Italian travels in Persia in the fifteenth and sixteenth century translated and edited by Ch. Grey. London, 1873 (Hakluyt society, series II, v. 49), pp. 86—88, 145—146; Путешественники об Азербайджане. Под ред. Э. М. Шахмалиева. Т. I. Составил З. И. Ямпольский. Баку, 1961, стр. 92.

[15] В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935; A. A. Vasiliev. The Goths in the Krimea. Cambridge, Mass., 1936.

[16] Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 157.

[17] Ср. у Р. Ченслера: «Луки их подобны турецким» (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с английского Ю. В. Готье. Л., 1937, стр. 59).